

Мильчевский Октавий Витальевич

**Полный новейший снотолкователь с
научным объяснением теории снов,
галлюцинаций и сомнамбулизма и с
словарем сновидений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-52

О-52 **Октавий Витальевич М.**
Полный новейший снотолкователь с научным объяснением теории снов, галлюцинаций и сомнамбулизма и с словарем сновидений / Мильчевский Октавий Витальевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 164 с.

ISBN 978-5-519-96584-2

ISBN 978-5-519-96584-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

тившемся органѣ, эти соки притекаютъ къ нему и отдають часть своихъ веществъ. Но чтобы они притекали, надо, чтобы ихъ что-нибудь двигало, толкало впередъ, и это дѣлають, какъ извѣстно, нервы.

Конечно, отъ этого и сами нервы портятся, измѣняются въ своемъ составѣ, отчего съ теченіемъ времени могутъ дѣйствовать медленнѣе, слабѣе, могутъ прійти въ то состояніе, которое мы называемъ усталостью, утомленіемъ.

Мы должны замѣтить, что эти истощенія и пополненія убылей въ тѣлѣ, эти приходъ и расходъ бывають между собою въ различныхъ соотношеніяхъ; если истощеніе сильно, то тѣло будетъ слабѣть и дѣятельность его замедляться.

И вотъ предположите, что истощеніе организма идетъ въ чловѣкѣ быстрѣе его пополненія, поправки, расходъ превышаетъ приходъ—что же должно наконецъ произойти!?

Должна произойти остановка дѣятельности всего организма, или какихъ-нибудь его частей, разумѣется, преимущественно тѣхъ, которыя наиболѣе дѣйствовали, остановка, или по крайней мѣрѣ такое ослабленіе, которое можетъ намъ показаться равносильнымъ остановкѣ.

Дѣйствительно, такое состояніе организма обыкновенно предшествуетъ сну. Отчего-же это? Оттого, что большая часть изъ насъ не умѣють управлять своей дѣятельностью, дѣйствуютъ черезчуръ сильно, не соображаютъ своихъ силъ, не умѣють уравниваться прихода съ расходомъ, живутъ не по состоянію.

Опишемъ теперь нѣсколько обстоятельнѣе состояніе чловѣка передъ сномъ. Главное вниманіе тутъ должно быть обращено на мозгъ, такъ какъ онъ, какъ центръ чловѣческихъ нервовъ, больше всего утомляется. Кромѣ мозга, еще передъ сномъ, значительно измѣняется наше кровообращеніе.

Разумѣется, какъ мы сказали выше, прежде устають нервы, а затѣмъ они уже медленнѣе обращаютъ кровь. Но и на оборотъ: отъ замѣдленія кровообращенія слабѣетъ и нервная дѣятельность. Замѣьте, что то мѣсто тѣла, въ которомъ кровь начинаетъ обращаться медленнѣе сжимается.

Такимъ же образомъ сжимается, коченѣетъ мозгъ передъ сномъ, потому-что нервы его дѣятельности слабѣють, а отъ этого слабѣетъ кровообращеніе въ мозгу и самая мозговая ткань теряетъ свою чувствительность.

Но дѣйствительно-ли остановка крови въ мозговыхъ жилахъ, замедленіе ея теченія, обращенія, притупляютъ нашу внимательность, вообще нашу умственную дѣятельность? т. е. дѣлаютъ то, что происходитъ въ нашемъ мозгу передъ сномъ?

Дѣйствительно такъ, и вотъ доказательство: когда мы испытываемъ головную боль отъ прилива крови, то чувствуемъ, что не можемъ ни на чемъ надлежащимъ образомъ сосредоточить наше вниманіе, что оно для этого не достаточно сильно, свѣжо, внимательно. Тоже бываетъ и передъ началомъ сна; вотъ почему можно допустить, что предъ началомъ сна въ нашемъ мозгу происходитъ застой крови.

Замѣтимъ, что во снѣ происходитъ въ мозгу такъ-называемый недѣятельный (пассивный) приливъ крови; онъ сопровождается нѣкоторымъ охлажденіемъ тѣла и ослабленіемъ нервной дѣятельности.

Отчего насъ больше клонитъ къ сну ночью, чѣмъ днемъ?

Мы видѣли одну причину сна: ослабленіе нервной дѣятельности и кровообращенія въ его дѣйствіи отъ усталости. Отсюда мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: отъ чего бы ни было это ослабленіе, замедленіе, остановка, какъ скоро они случатся — насъ будетъ клонить ко сну.

Но эти замедленія, остановки, могутъ и просто случиться оттого, что явится недостатокъ дѣятельности; такъ если почему-нибудь намъ случится сидѣть нѣсколько времени совершенно спокойно, не подвижно и безъ всякаго дѣла, то мы начинаемъ испытывать сонъ хотя бы наши органы вовсе не были утомлены.

Также на насъ дѣйствуетъ и ночь: по ходу человѣческой жизни и жизни земной вообще ночь вызываетъ насъ меньше къ дѣятельности, чѣмъ день, да и самое количество вышнихъ впечатлѣній уменьшается ночью, напр. мы видѣмъ меньше предметовъ ночью чѣмъ днемъ, и количество впечатлѣній на зрѣніе чуть-ли не самое большое въ суммѣ всѣхъ нервныхъ впечатлѣній.

Стало-быть ночью наши нервы волей неволей успокаиваются, и слѣдовательно насъ должно клонить ко сну. Къ этому присоединяется и усталость послѣ дневныхъ трудовъ.

Теперь второй вопросъ, всѣ-ли части тѣла у насъ одинаково засыпаютъ? Т. е. всѣ-ли въ одно время и съ одинаковой силой погружаются въ сонное опѣценіе?

Уже и самъ читатель, на основаніи предъидущихъ строкъ, можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ сила сна у насъ зависитъ отъ силы утомленія, а это послѣднее отъ дѣятельности, стало быть тѣ органы, которые всего сильнѣе дѣйствовали въ дан-

ное время, или всего слабѣе сложены (напр. больные) погружаются въ самый сильный сонъ и прежде всего заснуть.

Точно тоже надо сказать и относительно пробужденія: самая утомленная часть тѣла всего позже выйдутъ изъ соннаго оцѣпенѣнія, всего позже проснутся.

Если напр. проснулся нашъ мозгъ, но не проснулся мозжечокъ, то мы откроемъ глаза, будемъ понимать, говорить, но съ большимъ усиліемъ, и шатаясь переступать ногами.

Тожe и при засыпаніи: напр. человѣкъ начинаетъ бредить, а между тѣмъ еще идетъ. Это значитъ, что большой мозгъ у него уже заснулъ, а мозжечокъ еще нѣтъ. У насъ есть еще третій мозгъ внизу и сзади головы; онъ называется продолговатымъ. Отъ него зависятъ наши испражненія и вотъ (напр. у дѣтей) бываетъ, что они ничего не понимаютъ, не имѣютъ движенія, а между тѣмъ во снѣ испражняются; это значитъ, что у нихъ не спитъ продолговатый мозгъ, а другіе уже спятъ.

Отчего зависитъ пробужденіе?

Во первыхъ отъ возвращенія нашимъ органамъ прежней ихъ силы и свѣжести, а во-вторыхъ отъ какого-нибудь особенно сильнаго, непривычнаго впечатлѣнія. Вотъ почему, желая произвести въ себѣ сонъ, мы стараемся дать нашему тѣлу такое положеніе, чтобы оно подвергалось какъ можно меньше вѣшнимъ возбужденіямъ.

Но нѣтъ сомнѣнія, что хотя во снѣ наше тѣло становится менѣе чувствительно къ вѣшнымъ впечатлѣніямъ, но все таки они должны на него дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ спрашивается: сонные нервы совершенно-ли нечувствительны къ вѣшнымъ впечатлѣніямъ, или чувствительны, но только слабѣе?

Вообще какъ дѣйствуютъ на соннаго человѣка вѣшнія впечатлѣнія?

Такъ какъ составъ соннаго нерва такой-же, или почти такой, какъ и не соннаго, только ослабленный, истощенный, то и вѣшніе предметы дѣйствуютъ на него также, какъ на несонные нервы, только слабѣе, неопредѣленно, смутно.

Сонный человѣкъ, потерявъ ясность ума, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и способность разбирать свои ощущенія, т. е. опредѣлять, откуда какое изъ нихъ происходитъ, опредѣлять соотношеніе между ними и вѣшными предметами. Значитъ онъ можетъ объяснять свои ощущенія совершенно ложно, перепутывать ихъ.

Наконецъ сдѣлаемъ еще одну замѣтку относительно соннаго человѣка: а именно на счетъ способности его сосредоточивать свои силы въ одномъ какомъ-нибудь органѣ. Это способность есть и не

въ сонномъ человѣкѣ, т. е. и у него одинъ какой-нибудь органъ оказывается вдругъ особенно сильнымъ, дѣятельнымъ, энергическимъ, когда протіе почему-нибудь находятся въ покоѣ, бездѣйствіи. Такъ вы сильнѣе дѣйствуете руками, когда стоите крѣпко на ногахъ; такъ вамъ очень трудно идти и говорить и пр.

Тоже и у соннаго человѣка: мы сказали, что какой-нибудь его органъ можетъ спать гораздо слабѣе другихъ и вотъ когда случится такъ, что на него исключительно подѣйствуетъ внѣшнее впечатлѣніе, то его ощущеніе и даже дѣйствіе могутъ быть гораздо сильнѣе, энергичнѣе, чѣмъ даже въ бодрственномъ состояніи, именно вслѣдствіе спокойствія, усыпленія прочихъ органовъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣтокъ о снѣ вообще, намъ уже не такъ будетъ трудно заняться вопросомъ.

О сновидѣніяхъ.

Что такое сновидѣніе?

Это такое дѣйствіе сонныхъ нервовъ, которое представляетъ передъ нами происшествіе на самомъ дѣлѣ несуществующее въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Вообще сновидѣніемъ мы назовемъ впечатлѣніе на сонные нервы, которые ослабѣвшій умъ объясняетъ не надлежащей причиной.

Прежде всего сдѣлаемъ слѣдующія общія замѣтки относительно сновидѣній

Чѣмъ крѣпче сонъ, тѣмъ сновидѣнія неопредѣленнѣе, туманнѣе и скоропереходящѣе. Это совершенно ясно, такъ какъ крѣпость сна и есть такое оцѣпенѣніе органовъ тѣла, въ которомъ они могутъ дѣйствовать только очень слабо. Изъ этого уже видно, что и для сновидѣній требуются тѣже нервныя силы, какія требуются для дѣйствій мозга въ бодрственномъ состояніи, т. е. что сновидѣніе ни что иное, какъ тѣже мысли, чувства, желанія.

И обратно: чѣмъ слабѣе сонъ, тѣмъ продолжительнѣе, яснѣе, разнообразнѣе и сложнѣе сновидѣнія.

Изъ этого всего общій, неотразимый выводъ: сновидѣнія не какіянибудь сверхъ-естественная вліянія, но ^{пр}осто дѣйствія нашего мозга, только ослабѣшаго, искажившагося.

Это важное для насъ положеніе мы должны доказать ниже еще нѣсколькими фактами. Но и здѣсь уже невольно можемъ спросить: благоразумно-ли, основательно ли придавать снамъ какое-нибудь серьезное значеніе?

Содержаніемъ сновидѣнія служитъ всего чаще воспоминаніе объ образахъ и ощущеніяхъ, которыя мы видѣли и испытали во время бодрствованія. Такъ напр. узнаю, что человекъ ослѣпившій сперва будетъ нѣкоторое время видѣть въ своихъ сновидѣніяхъ предметы, которыя мы постигаемъ глазами. Напр. краски, формы но затѣмъ уже ихъ больше не будетъ видѣть.

Само собой, что къ этимъ воспоминаніямъ во снѣ присоединяются и современныя имъ внѣшнія впечатлѣнія и изъ сочетаній этихъ обонихъ дѣятелей происходитъ вся странность нашихъ сновидѣній, вся ихъ казей доскопическая игра.

Общее правило: если желаемъ изучить явленіе въ полномъ его развитіи, то лучше всего начать его изученіе съ зародышнаго состоянія, съ простѣйшей его, первобытной формы. Такъ мы сдѣлаемъ и относительно сновидѣній. Дѣло въ томъ, что передъ наступленіемъ сна человекъ погружается въ полусонъ, въ дремоту, въ такое состояніе, когда онъ еще собственно не спитъ, но нервы его начинаютъ уже нѣсколько сбиваться, путаться въ своихъ дѣйствіяхъ, внѣшнія чувства обманываются, вмѣсто мыслей являются не совсѣмъ ясныя грезы; это состояніе ученые называютъ галлюцинаціями, а потому для уразумѣнія сущности сна, должны рассказать, что такое эти

Галлюцинаціи.

Онѣ являются при началѣ сна, а такое и при пробужденіи, т. е. когда нервы находятся въ полуусыпленномъ состояніи. У нѣкоторыхъ червѣй кофе и шампанскія предрасполагаютъ нервы къ такимъ галлюцинаціямъ.

По къ галлюцинаціямъ, какъ и ко сну, располагаетъ вообще все, утомляющее нервы. Замѣьте между прочимъ, что ничего такъ не утомляетъ нервовъ, какъ какія-нибудь однообразныя ва нихъ впечатлѣнія. Это уже мы видѣли выше въ нашей книгѣ; это же причиною, почему умъ погружается въ полусонъ, въ галлюцинацію, коль скоро онъ сосредоточится на какой-нибудь одной мысли. Это встрѣчается напр. у разныхъ отшельниковъ, пустынниковъ, мистиковъ.

Одно важное свойство галлюцинацій то, что онѣ воспроизводитъ въ мозгу впечатлѣніе внѣшняго предмета такъ, какъ будто на него дѣйствуетъ снова этотъ внѣшній предметъ. Напр. мы могли слышать нѣсколько дней тому назадъ какія-нибудь особенно порази-

VIII

тельными для насъ слова; и вотъ затѣмъ въ полуусыпленіи мы можемъ вспомнить эти слова съ такою силою, что намъ представится будто снова намъ говорятъ ихъ.

Читатель понимаетъ, что такимъ галлюцинаціямъ могутъ подвергнуться всѣ наши чувства, всѣ наши органы.

Но отчего-же намъ кажется, что въ галлюцинаціи мы получаемъ снова внѣшнее впечатлѣніе, между тѣмъ какъ въ насъ произошло только воспоминаніе прежняго?

Мы привыкли думать, что всякое наше ощущеніе производится непременно внѣшнимъ предметомъ; въ этомъ насъ убѣждаетъ множество случаевъ во всей нашей жизни; а такъ въ полуснѣ у ума нѣтъ силы добратъ до настоящей причины своего ощущенія (онъ не можетъ разобратъ, есть ли или нѣтъ передъ нимъ предметъ, который могъ бы произвести данное ощущеніе) то онъ и объясняетъ его самой обыкновенной причиной своихъ ощущеній, т. е. внѣшнимъ предметомъ.

Какое изъ нашихъ чувствъ даетъ мозгу больше всего галлюцинацій и сновидѣній?

Конечно то, которое даетъ мозгу больше всего ощущеній, а именно зрѣніе. Къ галлюцинаціямъ зрѣнія принадлежатъ странныя фигуры, странныя краски, которыя представляютъ намъ въ полусонномъ нашемъ состояніи самые обыкновенные окружающіе насъ предметы.

Затѣмъ есть галлюцинаціи и другихъ чувствъ: такъ стоитъ подуматъ о какомъ-нибудь вкусномъ блюдѣ, чтобы почувствовать его вкусъ во рту; тоже и относительно обонянія.

Галлюцинаціи можно въ снѣ прозвольно вызывать; своятъ только до наступленія полусоннаго состоянія успѣшно и исключительно занятъ какимъ-нибудь однимъ предметомъ — и мы его непременно увидимъ въ галлюцинаціи, хотя можетъ быть и въ измѣненной формѣ.

Дѣйствіе умственныхъ способностей во снѣ.

Дальнѣйшее объясненіе сновидѣній.

Все, что сейчасъ сказано о галлюцинаціяхъ, относится, только еще въ гораздо большей степени, и къ сновидѣніямъ вообще. Значитъ и сновидѣнія вы нерѣдко должны объяснить силою предшествовавшей впечатлѣнія, которое вамъ кажется настоящимъ,

Тутъ умъ, почувствовавъ воспоминаніе впечатлѣнія, невольно рисуетъ себѣ предметъ, который можетъ производить такое впечатлѣніе и представляетъ, что они находятся передъ нимъ.

Есть еще чрезвычайно любопытная способность нашего ума, а именно: извѣстное ощущеніе вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ воспоминаній о другихъ ощущеніяхъ, которыя сами хотъ чѣмъ нибудь сходны съ сейчасъ испытаннымъ, или которые произведены предметомъ, сходнымъ хотъ въ чѣмъ-нибудь съ предметомъ, произведшимъ послѣднее ощущеніе.

Такъ сходство двухъ словъ можетъ вызвать у васъ воспоминаніе о двухъ предметахъ, которые называются этимъ словомъ. А если это будетъ происходить во снѣ, то вы увидите сонъ, въ которомъ будутъ дѣйствовать эти оба предмета.

И въ самомъ дѣлѣ сочетаніе самыхъ разнообразныхъ предметовъ, во снѣ, по видимому не имѣющихъ никакой разумной, связи, нигдѣ, никогда не встрѣчавшихся вамъ вмѣстѣ, можетъ часто объясняться именно этимъ созвучіемъ ихъ названій.

Такъ нерѣдко дѣйствуетъ сумасшедшій, у котораго умъ по слабости своей походить на нашъ сонный умъ; онъ вамъ станетъ говорить о предметахъ, которые только и представляются ему потому, что ихъ названія созвучны, напр. начнетъ говорить о баронѣ, затѣмъ, можетъ перейти къ барабану, барину барану, боронѣ, оборонѣ и пр. Это дѣйствительно наблюдали у сумасшедшихъ; это же наблюдали и въ сновидѣніяхъ.

Но мысли связываются не однимъ только созвучіемъ словъ; вы не упускайте изъ виду того правила, что чѣмъ бы ни связывались въ вашемъ умѣ два понятія, но они непременно возникнутъ въ васъ, если только эта связь есть; и спрашиваемъ—между какими предметами игривое воображеніе не найдетъ такой связи?

И вотъ, посмотрите-же, сколько можетъ быть значить самыхъ разнообразныхъ сочетаній сновъ! Только не надо забывать, что въ бодрственномъ состояніи мы переходимъ умственно отъ предмета къ предмету, отъ мысли къ мысли на основаніи ихъ дѣйствительной связи, а во снѣ мы устраиваемъ самые фантастическіе, невозможные переходы.

Я укажу вамъ еще на нѣкоторые примѣры обманчивыхъ сновидѣній (иллюзій сна), затѣмъ разберу какое-нибудь сновидѣніе и теоретическіе выводы относительно сновидѣній, которые могли показаться не совсѣмъ удобопонятными нѣкоторымъ читателямъ, не свыннувшимся съ отвлеченнымъ изложеніемъ.

Надо всегда изучать всѣ умственные расстройства въ связи; каждое изъ нихъ можетъ пояснить другое. Такъ изслѣдованія умопомѣшательства могутъ пояснить явленія сновидѣній и на оборотъ; сны могутъ также быть объяснены напр. дѣйствіемъ дѣтскаго ума и пр.

Напр. замѣчено, что сумашедшіе приписываютъ спору между двумя лицами борьбу противоположныхъ идей, которыя происходятъ въ ихъ собственныхъ головахъ; тоже замѣчается и въ сновидѣніяхъ.

Есть особенный видъ сновидѣній, которыя могутъ быть названы въѣмзговыми, чувственными; они происходятъ въ насъ отъ неправильно понятыхъ въѣшнихъ впечатлѣній, хотя конечно и прочія сновидѣнія имѣютъ почти такія-же причины, но здѣсь онѣ являются причинами почти исключительными.

Такъ напр. одинъ писатель рассказываетъ, что укушеніе блохи произвело въ немъ сновидѣніе, будто его прокололи шпагой; другое лицо предполагало во снѣ, что совершаетъ путешествіе на Эту, потому что къ ногѣ было у него приложено горячее ядро; мушка, приложенная къ головѣ, вызвала разъ очень длинное сновидѣніе, представлявшее плѣнь у дикарей, убійство, сдираніе кожи съ головы и пр.

Какъ съ одной стороны сонъ соприкасается съ грезами, галлюцинаціями, такъ съ другой легко переходитъ въ *бредъ*, болѣзненное состояніе мозга, вызванное его расстройствомъ.

Вотъ какъ одинъ писатель опредѣляетъ бредъ: это есть расстройство ума, вслѣдствіе котораго наши мысли пугаются, становятся неопредѣленными или безразсудными, могутъ производить безсмысленныя дѣйствія и соединяться съ галлюцинаціями, т. е. съ такими ощущеніями, которыя, будучи не болѣе, какъ воспоминаніями, представляются намъ впечатлѣніями, сейчасъ полученными.

Бредъ бываетъ часто при воспаленіи оболочекъ мозга, тифозной горячкѣ, оспѣ, при остромъ воспаленіи желудка, эпилепсіи, воспаленіи легкихъ, ипохондріи, истерикѣ, при размягченіи мозга, параличѣ и пр. Само собой, что въ меньшей степени всѣ эти болѣзни производятъ галлюцинаціи и сновидѣнія.

Къ причинамъ бреда и сновидѣній надо отнести и дѣйствія различныхъ страстей, тоже воспаленій, только душевныхъ.

Очень любопытно, что въ сонномъ состояніи человѣческія страсти и его врожденныя, естественныя наклонности, являются съ большою силою и ясностью, какъ бы они ни были сдерживаемы и по-

давлены въ бодрственномъ состояніи воспитаніемъ, приличіями и т. под. Вотъ почему изученіе сновидѣній какого-нибудь человѣка можетъ выяснитъ передъ нами всю его сокровенную натуру.

Надо полагать, что эти свойства въ насъ сильнѣе, глубже, а потому какъ скоро сонъ освободитъ насъ изъ-подъ власти ума, они проявляются со всею силою.

Такъ у людей, сдѣлавшихся цѣломудренными, благодаря воспитанію, но страстныхъ по темпераменту, во снѣ могутъ явиться сладострастные мысли; у людей, съ очень мягкимъ нравомъ, благодаря воспитанію, но въ сущности суроваго характера, сны будутъ свирѣпые, кровожадные и пр.

Если во снѣ сильно проявляются страсти, то не менѣе сильно дѣйствуетъ и память. Она дѣйствуетъ даже иногда очень странно; такъ напр. вдругъ вспоминаетъ о какомъ-нибудь пустомъ предметѣ, который по видимому совершенно не удостоился нашего вниманія въ бодрственномъ состояніи.

И вотъ такой предметъ является вамъ вдругъ во снѣ—и вы невольно удивляетесь странности нашего сновидѣнія, невольно даже приписываете его сверхъестественному вліянію, если вы немножко суевѣрны.

Мы дадимъ вамъ примѣры такихъ сновъ.

Вотъ одинъ. Одинъ господинъ собирается ѣхать въ городъ, гдѣ не бывалъ лѣтъ 20, повидаться съ друзьями своего отца. Наканунѣ отъѣзда онъ вспомнилъ имя одного изъ нихъ, но ему показалось, что онъ никогда его не видалъ въ дѣтствѣ.

Затѣмъ онъ засыпаетъ и видитъ во снѣ, что пріѣхалъ въ этотъ городъ и встрѣтилъ на улицѣ незнакомое лицо, которое назвало себя именемъ того друга отца его, о которомъ онъ вспомнилъ. Видѣвшій этотъ сонъ успѣлъ хорошенько рассмотреть черты лица этого незнакомца.

Наконецъ этотъ господинъ, который видѣлъ рассказанной сонъ, пріѣхалъ въ свой родной городъ. Вдругъ встрѣчаетъ онъ человѣка, совершенно похожаго на того, кого видѣлъ во снѣ и прямо обращается къ нему, какъ къ знакомому своего отца. Онъ не ошибся, только изъ ихъ разговора оказалось, что онъ его видѣлъ въ дѣтствѣ, но мелькомъ.

Такихъ примѣровъ можно бы дать много, но мы лучше расскажемъ здѣсь сонъ, въ которомъ можно провѣрить почти все, сказанное нами о снахъ. Тутъ вы ясно увидите, какъ къ нашей фан-

тази́м прии́мѣваются впечатлѣнія отъ вы́шлихъ предметовъ и какъ смыслъ эти хъпослѣднихъ измѣняется первой, т. е. нашей фантазіей.

Одинъ мальчикъ (впослѣдствіи писатель Мори) уснулъ въ очень жаркой комнатѣ и видитъ во снѣ, что голову его положили на наковальню и бьютъ по ней молотомъ; онъ ясно слышалъ въ это время стукъ молота.

Только голова его въ это время не разбилась, а вдругъ стала таять и онъ почувствовалъ влажность.

Проснувшись, онъ увидѣлъ себя въ поту и услыхалъ стукъ молота въ сосѣдней кузницѣ.

Объясненіе этого сна не трудно: ослабѣвшій мозгъ смѣшивалъ и не понималъ впечатлѣній. У мальчика голова болитъ и въ тоже время онъ слышитъ стукъ молота; онъ приписываетъ этотъ стукъ молоту, который бьетъ по его головѣ, а головную боль — ударами молота, которые онъ слышитъ.

Затѣмъ другое: у него голова горитъ, онъ слышитъ стукъ молота, вызывающій идею о раскаленномъ, горячемъ металлѣ и вотъ представляется ему, что этотъ металлъ и есть его голова; затѣмъ вдругъ онъ чувствуетъ потъ и это приводитъ ему воспоминаніе, что металлы отъ жару плавятся—и объясненіе его сна получаетъ для него еще болѣе правдоподобія.

Спрашивается теперь: отчего же произошли всѣ эти ошибки въ его сужденіяхъ?

Очевидно оттого, что онъ не былъ въ силахъ наблюдать остальные явленія, которыя сопровождали сейчасъ описанные и фантазія его сочетала, какъ могла, эти послѣднія, по врожденному человѣческому уму стремленію сочетать свои ощущенія и объединять ихъ.

Мы теперь расскажем вамъ о нѣкоторыхъ вещественныхъ средствахъ вызывать въ человѣкѣ состояніе похожее на усыпленіе. Въ этихъ случаяхъ бываетъ, что при ослабленіи всѣхъ остальныхъ способностей, одна какая-нибудь напротивъ дѣйствуетъ очень сильно.

Вообще говоря, усыпительнымъ образомъ на нервы дѣйствуютъ всѣ такъ называемыя наркотическія вещества. Но при дѣйствіи эфира человѣческій слухъ изощряется до чрезвычайной степени.

Также дѣйствуютъ, какъ мы сказали выше, и однообразныя впечатлѣнія, хотя они обыкновенно сперва сильно раздражаютъ нервы, а потомъ, конечно въ слѣдствіе утомленія, обезсилѣнія, усыпляютъ ихъ, успокаиваютъ. Это состояніе остолебенія называется гипнотизмомъ.